

ПАМЯТЬ

Сладкий шнапс

Яна Вильмс

Яна Вильмс

Сладкий шнапс

«Автор»

2026

Вильмс Я.

Сладкий шнапс / Я. Вильмс — «Автор», 2026

Рассказ представляет собой трогательное и драматичное воспоминание взрослой героини о своей немецкой бабушке, чей рассудок оказался расколот тяжелейшими испытаниями XX века — депортацией, фильтрационными лагерями и потерей близких. Пожилая женщина путает прошлое с настоящим и не принимает новую реальность. Это глубокая и пронзительная история о травмах войны, семейном долготерпении и запоздалой любви к человеку, который, несмотря на безумие и пережитое горе, сохранил способность по-своему любить своего сына.

© Вильмс Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Моя немецкая бабушка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Яна Вильмс

Сладкий шнапс

Глава 1. Моя немецкая бабушка

«Герман, купи шнапс», - часто просила моя немецкая бабушка.

Мать отца, бабушка Мария, поселилась у нас в небольшом уральском городке на закате своей жизни. Ей было около восьмидесяти, а может, и больше. Её привезла сестра отца тётя Зусанна. Бабушка почти не владела русским: её речь была странной, изломанной, где немецкие слова причудливо перемежались с украинскими и русскими.

Память её была расколота на до и после. В прошлой жизни остались два убитых мужа, сыновья, сосланные в соляные копи, депортация в фашистскую Германию и тяжёлое возвращение на родину через чистилище фильтрационных лагерей. Рассудок не выдержал такой ноши. Время внутри бабушки перепуталось: она напрочь забыла, что у отца это вторая семья. Для неё настоящие, любимые внуки остались там, в Украине. А здесь, на Урале, её сына приворожила какая-то чужая женщина с чужими детьми. Нас она не любила.

Свою тихую войну бабушка вела под подушкой - там она прятала засохшие хлебные корки и белые кубики сахара. Мама, меняя постельное бельё, каждый раз тихо плакала над этими тайниками. Она не выбрасывала их. Осторожно заворачивала в чистую холщовую тряпочку и прятала обратно под перьевую подушку. — Проклятая война, — шептала мама, сглатывая слёзы. — Не дай бог никому такого прошлого.

Иногда, улучив минуту, когда внимание семьи ослабевало, бабушка выскальзывала на улицу. Она ходила по дворам и просила у людей «хлебушка», жалуясь, что неблагодарные родственники морят её голодом. Сердобольные соседи выносили кто что мог: краюху хлеба, сахар, кусок колбасы или поношенные вещи. Мама сгорала от стыда и снова плакала. Отец пытался взывать к разуму, кричал, что она позорит его имя на весь город. Но бабушка лишь благостно улыбалась, хвасталась своими «трофеями» и гладила его по жёсткой мужской руке. — Герман, — говорила она с нежностью. — Тебе не нужно так много работать. Видишь, я сама нас прокормлю. В такие секунды отец замолкал, и в углах его глаз закипали редкие, тяжёлые слёзы.

Он преподавал в местной школе немецкий язык. Бабушка каждое утро неизменно застыла у порога: «Ты куда?» — На работу, в школу, — монотонно отвечал он. Этот ритуал повторялся месяцами, пока однажды у отца не сдали нервы. На её очередной вопрос он нервно, с чудными ударениями выкрикнул: - КОней пАсти! И случилось чудо. Бабушка вдруг успокоилась. В её искажённом мире всё наконец встало на свои места: сын занялся настоящим, понятным делом. С тех пор она с гордостью объявляла всем домашним: «Германа нет, он ушёл кОней пАсти».

Наша совместная жизнь оборвалась страшно и внезапно. Сама я почти ничего не поняла - в памяти остался лишь мой собственный дикий крик, на который сбежался весь дом, и бабушкины пальцы, почему-то сжавшиеся на моей шее. О том, что в тот день она в беспомощности пыталась меня задушить, а у мамы случилась жуткая истерика, я узнала много лет спустя. Секрет открылся, когда я взрослой спросила у родителей: «А почему бабушка Мария так мало у нас жила?» Тогда, в детстве, я запомнила только то, что после моего крика отец в тот же день собрал вещи и увёз бабушку назад к тёте Зузанне.

Это тёмная, трагическая история, в которой нет виноватых — только жертвы безжалостного времени. И сквозь годы, вспоминая бабушку, я неизменно вижу один и тот же тёплый сюжет со шнапсом. — Герман, купи мне шнапс, — просила она. Отец безропотно шёл в гастроном и приносил маленький шкалик водки. Наливал на доньшко рюмки. Бабушка делала глоток, морщила сухие губы и качала головой: — Фу, горько... Положи кусочек сахара. Отец послушно опускал рафинад, размешивал. Бабушка пробовала снова: — Фу, невкусно, — и с грустным лицом отодвигала рюмку.

Наступал предсказуемый звёздный час отца. Испорченная сахаром водка выливалась в раковину, а папа с чистой совестью дегустировал чистый, горький напиток.

Бабушка всё-таки невероятно любила своего младшего сына. И, кажется, по-своему делала ему подарки.

Вскоре бабушка Мария умерла.

Я полюбила её будучи взрослой. Старенькую, беспомощную, делавшую запасы сухариков и кусочков сахара на случай голода. Прожившую такую трудную, полную горя и страданий жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.